

Д. САМОЙЛОВ

ВОЛНА
И
КАМЕНЬ

Д. САМОЙЛОВ

ВОЛНА
И
КАМЕНЬ

Книга стихов

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1974

Д. Самойлов принадлежит к поколению поэтов, ушедших со студенческой скамьи на фронт. Первые публикации его стихов относятся к послевоенным годам. Книги Д. Самойлова «Ближние страны», «Второй перевал», «Дни», выпущенные издательством «Советский писатель», привлекли широкое читательское внимание.

Круг мотивов новой книги Д. Самойлова разнообразен — поэт пишет о прошлом и настоящем, вспоминает войну, делится своей тревогой о неделанном, настойчиво утверждает «сознание пользы», без которого жизнь человека бессмысленна и пуста. Историзм мышления, свойственный Д. Самойлову, выразительно проявляется и в этой книге.

© Издательство «Советский писатель», 1974 г. Стихи, отмеченные в содержании звездочкой, публиковались до 27 мая 1973 г.

★ ★ ★

То осень птицы легче
Опустится на плечи
Осиновым листом...
Но это все потом.

И графика пейзажей,
Изображенных сажей
На воздухе пустом...
Но это все потом.

А что было вначале?
Какие-то печали,
Вошедшие в мой дом...
Нет! Это все потом!

• • •

В воздухе есть напряженье
Солнечной грубой зимы.
Может быть, это — бесснежье
Остро почуяли мы.

То, что замыслено где-то,
Осуществляется в нас:
Перемещение света
И уплотнение масс.

Наши бессмертные души
Зреют не в нас, а вовне.
И, загораясь снаружи,
Перегорают во мне.

* * *

Возвращенье от Анны,
Возвращенье ко мне.
Отпаденье от камня,
Восхожденье к волне.

До свидания, память,
До свиданья, война,
До свидания, камень,
И да будет волна!

Память — смертным отрада,
Камень — мертвым почет.
А благая прохлада
Пусть течет и течет.

До свидания, слава.
До свиданья, беда.
Ведь с волной нету слада,
И она — навсегда.

Память, память, ты — камень,
Ты под стать валуну.
Все равно мы не канем,
Погрузившись в волну.

До свиданья, Державин
И его времена.
До свидания, камень,
И да будет волна!

Нет! Отнюдь не забвенье,
А прозрение в даль.
И другое волненье,
И другая печаль.

И другое сверканье,
И сиянье без дна...
До свидания, камень!
И да будет волна!

* * *

Тот дивный, давний спор
Приходит мне на память...
Довольно ум тиранить!
Сто лет прошло с тех пор!

Тот спор кипел тогда
Так молод, смел и страстен!
Он был, скорей, согласьем,
Но в этом ли беда?

Беда пришла потом,
Когда не стало спора.
И — спорщики — мы скоро
Покинули тот дом.

От спора мы ушли.
И стало всё бесспорно...
Но брошенные зерна
Вдруг дерзко проросли.

Порою из-за штор
Я слышу довод ярый,
И перебор гитары,
И дивный, давний спор...

ПЯТЕРО

Жили пятеро поэтов
В предвоенную весну,
Неизвестных, незапетых,
Сочинявших про войну.

То, что в песне было словом,
Стало верною судьбой.
Первый сгинул под Ростовом,
А второй — в степи сырой.

Но потворствует удачам
Слово — солнечный кристалл.
Третий стал, чем быть назначен,
А четвертый — тем, чем стал.

Слово — заговор проклятый!
Всё-то нам накликал стих...
И живет на свете пятый,
Вспоминая четверых.

ПРИ ДОЖДЕ

О, так это или иначе,
По чьей неизвестно вине,
Но музыка старой удачи
Откуда-то слышится мне.

Я так ее явственно слышу,
Как в детстве, задувши свечу,
Я слышал, как дождик о крышу
Играет мне все, что хочу.

Такое бывало на даче
За лето по нескольку раз.
Но музыку старой удачи
Зачем-то я слышу сейчас.

Все тот же полуночный дождик
Играет мне, что б ни просил,
Как неутомимый художник
В расцвете таланта и сил.

* * *

И осень, которая вдруг началась
Прилежно,
Меня веселит на сей раз
И тешит.
Она мне настолько мила,
Что надо
На время оставить дела
Земные...
Шататься, и скуки не знать
Осенней.
Да кто это вздумал пенять
На скуку!
Ленивы мы думать о том,
Что, может,
Последняя осень последним листом
Тревожит.

★ ★ ★

С постепенной утратой зренья
Всё мне видится обобщенней.
На сугробы и на деревья
Свет ложится потусторонний.

Слабый снег сочится как мушка,
Упадает и голубеет.
Так мне видится, потому что
Постепенно зренье слабеет.

Вместе с тем не могу похвастать,
Что острее зрение духа.
Только ночь надо мной глазаста.
Путь лежит ледяно и сухо.

Путь лежит ледяно и сухо.
Ночь стоит высоко и звездно.
Не склоняй доверчиво слуха
К прозревающим слишком поздно.

* * *

Мне снился сон. И в этом трудном сне
Отец, босой, стоял передо мною.
И плакал он. И говорил ко мне:
— Мой милый сын! Что случилось с тобою!

Он проклинал наш век, войну, судьбу.
И за меня он требовал расплаты.
А я смиренно говорил ему:
— Отец, они ни в чем не виноваты.

И видел я. И понимал вдвойне,
Как буду я стоять перед тобою
С таким же гневом и с такой же болью...
Мой милый сын! Увидь меня во сне!..

★ ★ ★

Хочу, чтобы мои сыны
и их друзья
несли мой гроб
в прекрасный праздник погребенья
Чтобы на их плечах
сосновая ладь
плыла неспешно,
но без промедленья.

Я буду горд и счастлив
в этот миг
переселенья в землю,
что слуха мне не ранит
скорбный крик,
что только небу
внемлю.

Как жаль, что не услышу тех похвал,
и музыки,
и пенья!
Ну что же!
Разве я существовал
в свой день рожденья!

И все ж хочу,
чтоб музыка лилась,
ведь только дважды дух ликует:
когда еще не существует нас,
когда уже не существует.

И буду я лежать
с улыбкой мертвеца
и неподвластный
всем недугам.
И два беспмятства —
начала и конца —
меня обнимут
музыкальным кругом.

***

Лишь изредка родится в нас
Мотив помимо воли,
Как бы вскрывается запас
В нас заточенной боли.

И, вслушиваясь, узнаешь
В нем все пережитое —
Какой-то тóлок, и галдеж,
И гул былых историй.

Довольно, память! Помолчи!
Пускай, свечу задувши,
Я слюнку сладкую в ночи
Почую на подушке.

ЗАЗДРАВНАЯ ПЕСНЯ

Забудем заботы о хлебе,
Хлебнув молодого вина.
Вспомним заботы о небе,
Где плавает в тучах луна.

Забудем заботы о доме
За этим веселым вином,
Вспомним заботы о громе,
О ливне, о ветре ночном.

Забудем заботы о детях,
Об их беспричинных слезах.
Вспомним заботы об этих
Осиах в осипших лесах.

КУПАЛЬЩИЦА

М. Ю.

Когда бежит через лиловый полдень
Купальщица, ее волнистый бег
Невольным обещанием исполнен
Беспечных радостей и сладких нег.

И вот она уже вступает в волны
И исчезает вдалеке. Она —
Почти как речь поэзии условна
И как язык печали солона.

РАССВЕТ

Светало. Воздух был глубок.
Вблизи долина, словно заводь.
А там, где должен быть восток,
Два облака учились плавать.

И постепенно, без болей,
Ночь умирала за домами —
Посередине тополей,
Потом — вверху, потом — над нами.

Там дуб в богатырские трубы
Играет на сильном холме.
Но светлые, тихие струны
Звучат на душе и в уме.

И слиться с землею и небом
Мечтает беспечный артист,
С закатом, где тополь над бегом
Так легок, летуч и ветвист.

Какое прекрасное свойство —
Уметь отрешиться от зла,
Бродить, постигая устройство
Пространства, души, ремесла!

Слияния легкая тризна!
Дубы замолкают тогда.
И грозные трубы отчизна
Сменяет на флейту дрозда.

* * *

Вот в багровой листве и лазури
Перед нами возник Сигнах,
Словно витязь в тигровой шкуре,
Чуть привставший на стременах.

А внизу, в Алазанской долине,
До чреды дагестанских вершин
Мне звучал в багрянце и сини
Грибоедовский клавесин.

* * *

Не мысль, не слово,— а под снегом,
Подобный напряженным слегам,
Отяжелевший вечный смысл
Повелевает мне: — Проснись!

И странно: в ясности речений
Какая-то есть пустота.
И может только свет вечерний
Заполнить общие места.

И трудно спать перед закатом
И просыпаться в странный час,
Когда над снегом розоватым
Березы высятся, светясь.

★ ★ ★

Когда с досадой и печалью
Я слух нарочно отвращаю
От тех, кто жалуется мне,—
Простор и снег в моем окне.

И преданности безотчетной
Я полон сумрачной зиме,
Где притулился
Неотлетный
Снегирь на голой бузине.

ЗИМНИЕ ПТИЦЫ

Задувает снегодуй,
Завевает вьюговей,
Запеваает свистопляс —
Ледовитый соловей.

Воеет, воеет — вью да вью! —
Вьюга, как пустой горшок.
Подпеваает соловью
Снеговитый петушок.

Режет так, что прячь лицо,
Но такая благодать!..
Вьюга катит колесо,
А куда — не угадать.

* * *

Что-то вылепится
Из глины.
Что-то вытешется
Из камня.
Что-то выпишется
Из сердца.
Будь как будет!
Не торопись!..

* * *

Л. Ч.

Полночь под Иван Купала.
Фронта дальние костры.
Очень рано рассветало.
В хате жили две сестры.

Младшая была красотка,
С ней бы было веселей.
Старшая глядела кротко,
Оттого была милей.

Диким клевером и мятой
Пахнул сонный сеновал.
На траве, еще не мятой,
Я ее поцеловал.

И потом глядел счастливый,
Как светлели небеса,
Рядом с этой, некрасивой,—
Только губы и глаза...

Только слово: «До свиданья!» —
С легкой грустью произнес.

И короткое рыданье
С легкой грустью перенес.

И пошел, куда не зная,
С автоматом у плеча,
«Белоруссия родная!..» —
Громким голосом крича.

★ ★ ★

Я ехал по хóлмам Богемии,
Где хмель зеленел вдоль шоссе,
И слушал, что хмеля цветение
Моей говорило душе.

Та почва тяжелая, красная
И хмеля зеленый дымок
Тогда говорили про разное,
Про то, что понять я не мог.

Я ехал по хóлмам Богемии,
Вкушая движенье и цвет,
И был я намного блаженнее
В неведенье будущих бед.

***

Березы, осины да елки —
Простой подмосковный пейзаж.
Художник в татарской мурмолке
Весенний открыл вернисаж.

Художник, немного раскосый,
С татарской раскладкою скул,
Дымит и дымит папиросой
И слушает внутренний гул.

Из гула рождаются краски,
Из звука является цвет.
Природа плетет без развязки
Один бесконечный сюжет.

Но надо включить его в раму,
И это искусства залог,
Когда бесконечную драму
Врубают в один эпилог.

* * *

Ты, Боян, золотой соловей,
Сочетал в рокотании славы
Суховой половецких полей
И туманное облако Лабы.

И не смыслит злосчастная чернь
В том, как древле в степи стоязыкой
Сопрягалась славянская речь
И наречья Монголии дикой.

Смесь словес, и понятий, и скул
Навсегда сохранилась в народе.
И прекрасен сей смешанный гул
В женских лицах и варварской оде.

БЕРЕЗНЯК

Так березняк беспечен, словно он
К российским бедам не причастен,
Воронами от зла заговорен
И над своей судьбой свободно властен.

Роскошный иней украшает лес.
Еще светлей березовая роща.
Как будто псковичи с резных крылец
Сошли на вечерую площадь.

Ах, это вече! Русская мечта,
Похищенная из ганзейских вотчин!
Перед бесчинством царского меча
Как колокол березовый непрочен.

И наша деревенская судьба,
Еще не став судьбою городской,
Одним нас наградила навсегда —
Серебряной березовой мечтою!..

О жаркая, о снежная березка!
Мое поленце, веничек и розга!..

СТИХИ И ПРОЗА

Мужицкий бунт — начало русской прозы.
Не Свифтов смех, не Вертеровы слезы,
А заячий тулупчик Пугача,
Насильно снятый с барского плеча.

Мужик бунтует против всех основ,
Опровергая кесаря и бога.
Немая Русь, обильна и убога,
Упрямо ищет сокровенных слов.

И в русской прозе отреченный граф
С огромной силой понял суть боренья:
Что вера без любви — одно смиренье,
А при любви — отстаиванье прав...

Российский стих — гражданственность сама.
Восторг ума, сознание пользы высшей!
И ямбов ломоносовских грома
Закованы в броню четверостиший.

Гражданский стих!.. Года бегут, бегут...
И время нас стихам и прозе учит.
И сочинителей российских мучит
Сознание пользы и мужицкий бунт.

ЛЕГКАЯ САТИРА

Торопимся, борясь за справедливость,
Позабывая про стыдливость
Исконных в нас, немых основ,
Которые причина снов.
Порой душой командуя, как телом,
Считаем покаянье главным делом
И, может, даже посрамленьем зла.
И тут закусываем удила.
Хоть собственной души несовершенство
Вкушаем, как особое блаженство.
Тогда природа помогает нам
И особливо чижики и дятлы
Или сосны растрепанные патлы.
И мы приходим к ним, как в божий храм.
Нас восхваляет критик наш румяный,
Метафоры любитель и ловец.
И наконец покровы истины туманной
Слетают с ясной стройности словес.

* * *

Тоски ледяной гребешок
Штакетником частым отстукан.
Как черт я упрятан в мешок,
Назло современным наукам.

Ведь все из проклятых наук,
Известных с времен Гостомысла,
Гласили, что слово есть звук,
Исполненный здравого смысла.

Но вся сумасшедшая суть
Названий березы и дуба,
Рогами уставившись в грудь,
Бодает тоску словолюба.

СТАРЫЙ САД

Забор крапивою зарос,
Но, несмотря на весь разор,
Необычайно свеж рассол
Настоянных на росах зорь.

Здесь был когда-то барский сад,
Где молодой славянофил
Следил, как закипает таз
Варенья из лиловых слив.

Он рассуждал: «Недаром нить
Времен у нас еще крепка».
И отпирал старинный шкаф,
Где красовался Ламартин.

Читал. Под деревенский гул
Вдруг засыпал. Чадил ночник.
И долго слышен был чекан
Кузнечика в ночном лугу.

• • •

Кончался август.
Примолкнул лес.
Стозвездный Аргус
Глядел с небес.

А на рассвете
В пустых полях
Усатый ветер
Гулял, как лях.

Еще чуть светел
Вдали рассвет...
Гуляет ветер.
Гуляет Фет.

Среди владений
И по лесам
Последний гений
Гуляет сам.

Не близок полдень,
Далек закат.
А он свободен
От всех пляд...

★ ★ ★

А. Я.

...И тогда узнаешь вдруг,
Как звучит родное слово.
Ведь оно не смысл и звук,
А ут́ок пережитого,
Колыбельная основа
Наших радостей и мук.

ПОДРАЖАНИЕ ФЕОКРИТУ

Песню запойте для нас, милые Музы!
Лепит понтийский закат тень на вершине.
Воздухом нежной зимы пахнут арбузы,
Медом осенней зари — спелые дыни.

Песню запойте для нас, милые Музы!
В час, когда примет волна цвет апельсина,
В час, когда к козьей тропе выйдут Отузы,
Песню запойте для нас кратко и сильно.

Песню запойте для нас, милые Музы!
Медь ядовитых высот солнце чеканит.
Вместе с вечерней зарей сбросим обузы,
Все, что тревожило нас, в вечности канет.

Но еще видно, как там, на перевале,
Вывесил цепкий кизил алые бусы.
Вспомните, как в старину вы нам певали,
Песню запойте для нас, милые Музы!

МИХАЙЛОВСКОЕ

**Деревья пели, кипели,
Переливались, текли,
Качались, как колыбели,
И плыли, как корабли.**

**Всю ночь, до самого света,
Пока не стало светло,
Качалось сердце поэта —
Кипело, пело, текло.**

СВОБОДНЫЙ СТИХ

В третьем тысячелетье
Автор повести
О позднем Предхиросимье
Позволит себе для спрессовки сюжета
Небольшие сдвиги во времени —
Лет на сто или на двести.

В его повести
Пушкин
Поедет во дворец
В серебристом автомобиле
С крепостным шофером Савельичем.

За креслом Петра Великого
Будет стоять
Седой арап Ганнибал —
Негатив постаревшего Пушкина.
Царь
Примет поэта, чтобы дать направление
Образу бунтовщика Пугачева.
Он предложит Пушкину
Виски с содовой,
И тот не откажется,

Несмотря на покашливание
Старого эфиопа.

— Что ж это ты, мин херц? —
Скажет царь,
Пяля рыжий зрачок
И подергивая левой щекой.
— Вот мое последнее творение,
Государь,—
И Пушкин протянет Петру
Стихи, начинающиеся словами
«На берегу пустынных волн...»

Царь пробежит начало
И скажет:
— Пишешь недурно,
А ведешь себя дурно,—
И, снова прицелив в поэта рыжий зрачок,
Добавит: — Ужо тебе!..

Он отпустит Пушкина жестом,
И тот, курчавясь, выскочит из кабинета
И легко пролетит
По паркетам смежного зала,
Чуть кивнувши Дантесу,
Дежурному офицеру.

— Шаркуны, ваше величество,—
Гортанно произнесет эфиоп
Вслед белокурому внуку
И вдруг улыбнется,

Показывая крепкие зубы
Цвета слоновой кости.

Читатели третьего тысячелетия
Откроют повесть
С тем же отрешенным вниманием,
С каким мы
Рассматриваем евангельские сюжеты
Мастеров Возрождения,
Где за плечами гладковолосых мадонн
В итальянских окнах
Открываются тосканские рощи,
А святой Иосиф
Придерживает стареющей рукой
Вечереющие складки флорентинского
плаща.

* * *

Туман, туман, туман...
В неверном освещенье
Явления времян
Яснее ощущение.

Яснее ощущение
Явления времян
В неверном освещенье...
Туман. Туман. Туман.

АННА ЯРОСЛАВНА

Как тебе живется, королева Анна,
В той земле, во Франции чужой?
Неужели от родного стана
Отлепилась ты душой?

Как живется, Анна Ярославна,
В теплых странах?..

А у нас — зима.

В Киеве у нас настолько славно,
Храмы убраны и терема!

Там у вас загадочные дуют
Ветры

с моря-океана вдоль земли.

И за что там герцоги воюют?
И о чем пекутся короли?

Каково тебе в продутых залах,
Где хозяин редок, словно гость,
Где собаки у младенцев малых
Отбирают турью кость?

Там мечи, и панцири, и шкуры:
Войны и охоты — все одно.

Там под вечер хлещут трубадуры
Авиньонское вино...

Ты полночи мечешься в постели,
Просыпаясь со слезой...
Хорошо ли быть на самом деле
Королевой Франции чужой?

Храмы там суровы и стрельчатые,
В них святые — каменная рать.
Своевольны лысые прелаты.
А до бога не достать!

Хорошо почувствовать на ощупь,
Как тепла медовая свеча!..
Девушки в Днестре белье полощут
И кричат по-русски,
хохоча.

Здесь, за тыщей рек, лесов, распутиц,
Хорошо, просторно на дворе...
Девушки, как стаи белых птиц,
Скатерти полощут во Днестре.

СОЛДАТ И МАРТА

Первую брачную ночь Марта и драгун Рааб
провели в доме пастора Глюка.

*Из «Разысканий об императрице
Екатерине Первой», т. I, стр. 86*

- О Н. Любимая, не говори,
Что надо нам прощаться!
Пускай до утренней зари
Продлится наше счастье!..
- О Н А. Драгун! Драгун! Ведь завтра бой,
Нам суждены печали.
Не на разлуку ль нас с тобой
Сегодня обвенчали?..
- О Н. Любимая! Не говори!
Нам суждено прощаться.
Но пусть до утренней зари
Продлится это счастье!..
- . . . . .
- И грянул бой... Свинцовых пчел
Раздался гул. Чугунный
Гром ядер... Рядом с трубачом
Упал вояка юный.

Спасли солдата лекаря.
И он узнал от друга,

Что слух идет: мол, у царя
Живет его супруга.

Там купола, как янтари,
Над старую Москву...

- О Н. Любимая! Не говори!
Вот я перед тобою...
- О Н А. Зачем здесь этот инвалид,
Игрушка чьих-то козней!
Беги! Не то тебя велит
Убить супруг мой грозный!
- О Н. Любимая! Не говори!
Как разошлись дороги!..
Спокойно властвуй и цари!..

И он упал ей в ноги.

- О Н А. Деньгу солдату! Пусть он пьет!
Не знает сам, что мелет!
Гляди, коли Великий Петр
Словам твоим поверит!..
- О Н. Любимая! Не говори!
Уже настало утро!
И поскорей умри, умри
Та ночь Мариенбурга!
- О Н А. Да, поскорей умри та ночь!
Умри то утро боя!
Солдат, ступай отсюда прочь,—
Я не была с тобою.
Ступай, ступай, хромой драгун,
И обо мне — ни звука!

Забудь про то, что ты был юн,
Про свадьбу в доме Глюка.
И пей, хоть день, хоть два, хоть три —
Хоть до скончания света!..

О Н. Любимая! Не говори!
Не говори про это!..

СКОМОРОШИНА

Поводырь ведет слепого,
Любопытного такого.

— Что там, что там, поводырь?
— Это город Алатырь.

— Почему ж не слышен город?
— В этом городе был голод.

А потом повальный мор.
Целый город перемер.

Идут лесом и болотом.
А незрячий: — Что там, что там?

Надоел поводырю.
— Что молчишь, горбатый?
— Зрю.

— Что там?
— Девка молодая.

— Каковая?
— Таковая:

Губошлеписта, толста.

— Сколько лет-то ей?

— С полста.

— Ах ты, зрячий, сын собачий!..

Что там, что там пахнет клячей?

— Ехал с ярмарки цыган,

Дурака с собой тягал.

Под ракитой опростался,

А дурак со мной остался...

Так бредут слепой с горбатым.

За леса свалился день.

И под месяцем рогатым:

— Что там, что там? — Бор? Пень?

* * *

В августе, когда заголубели
Окна, словно сонные глаза,
Закричал младенец в колыбели,
Но не пролилась его слеза.

Мать легко, разбуженная плачем,
Сон с ресниц стряхнула, как песок,
И склонила голову над младшим,
И младенцу подала сосок...

* * *

Распутица. Разъезжено. Размято.
На десять дней в природу входа нет.
Лишь перелесков утренняя мята
Студит во рту. Преобладает свет.
Свет беспощадный, ярый свет весны,
Срыватель тайн с морщинок и веснушек,
Припухших век, очей полужаснувших,
С болезненной и страстной желтизны.
Свет. Ярое преображение духа.
Размяты в тюрю колеи дорог.
Невнятица, распутица, разруха.
А там — опушек тюлевый дымок.

* * *

Одиночество — пошлая тема
В разговорах каминных вралей.
Ерунда! Одиночество немо
Немотою лесов и полей.

О, тогда уже нам не до шуток!
О, тогда замолчи и терпи!
И взаправду становится жуток
Перестук поездов во степи.

• • •

Неужели всю жизнь надо маяться!
А потом
    от тебя
        останется —
Не горшок, не гудок, не подкова,—
Может, слово, может, полслова —
Что-то вроде сухого листочка,
Тень взлетевшего с крыши стрижа
И каких-нибудь полглоточка
Эликсира,
    который — душа.

• • •

Старушечье существованье
Зимы под серым колпаком.
И неустанное снованье
Махровых нитей шерстяных.
И даже наше расставанье
Махровым обнято чулком.
И теплым было целованье —
Последнее из всех земных.

ИЗ СТИХОВ О ПОЛЬШЕ

1939-й

Вперед на прицел и на целик
В шеренге завязтых рубак
Шагал молодой офицерик
С улыбкой и розой в зубах.

Он шел впереди не для позы.
Он просто хотел умереть.
Он жить не хотел без улыбки и розы —
С улыбкой и розой хотел умереть.

Походкою мерной и медной,
Построенный в четкий квадрат,
Полк шел на последний, последний,
Последний, последний парад.

Еще с укрепленных позиций
Стрелки не открыли огня.
Казалось, что вечно продлится
Начало последнего дня.

Казалось, что смертное тело
Намного сильнее души...
И юная роза летела
На каменные блиндажи.

1944-й

Польских смут невольный современник,
Рано утром прибыл я в Мендзыжец.
Праздник был. И служба шла в селеньях,
В тех, что немцы не успели выжечь.

Комендант меня устроил чудно
В старом добром тихом доме. Помню,
Как Марыля Адамовичувна
Вечером читала Сырокомлю.

Брат ее, довольно кислый парень,
Шляхтич и один в дому добытчик,
Полагал, что он принципиален,
Потому что не менял привычек.

Утром отправлялся на толкучку,
Предварительно начистив обувь.
Там торчал, распродавая кучку
Барахла из старых гардеробов.

А потом он торопился бриться
(Жокей-клуб был в доме брадобрея).
Между прочим, юная сестрица
Мне стихи читала в это время.

Ах, моя чахоточная панна!
Маленького зальца воздух спертый!
Как играла ты на фортепьяно
О себе — беспомощной и гордой.

От костлявых клавиш мерзли руки.
И сжимал я в тайном трепетанье
Польшу сеймов, королей, мазурки,
Бледных панн, Мицкевича, восстаний.

Я покинул этот город в полночь,
Собрался и отвалил бесшумно.
Спали пан Станіслав Адамович
И Марыля Адамовичувна.

Перед Седлецом едва серело,
И не знал я, что еще увижу
Ребра искалеченной сирены
И за Вислой снег, от крови рыжий.

БАЛКАНСКИЕ ПЕСНИ

Эти стихи навеяны чтением народных песен сербов, болгар и румын. В их поэзии я нахожу много общего. «Подражание» не кажется мне словом более зазорным, чем «учение» или, как чаще говорят в наше время, «учеба».

1. Песня о кузнеце

Подъезжает солдат:
— Ты подкуй-ка мне, брат,
вороного! —
А кузнец бьет-бьет,
он солдату кует
подкову.

Подъезжает на рысях
эскадрон: — Так и сяк,
ты подкуй нам коней
толково.—
А кузнец бьет-бьет,
эскадрону кует
подковы.

Подъезжает целый полк:
— Ты в работе знаешь толк,
не сыскать кузнеца
такого! —
А кузнец бьет-бьет,
и полку он кует
подковы.

И в пыли, как в дыму,
войско целое к нему:
— Ты подкуй нам коней
по-свойски! —
А кузнец бьет-бьет,
он подковы кует
для войска...

Ускакал солдат,
ускакал отряд,
скрылся полк за холмом,
скрылось войско за полком...
а кузнец бьет-бьет,
а кузнец бьет-бьет,
бьет-бьет,
бьет.

2. Прощание юнака

Ты скажи, в стране какой,
в дальнем городе каком
мне куют заупокой
сталь-винтовку со штыком.

Грянет выстрел. Упаду,
пулей быстрою убит.
Каркнет ворон на дубу
и в глаза мне поглядит.

В этот час у нас в дому
мать уронит свой кувшин
и промолвит: — Ах, мой сын! —
И промолвит: — Ах, мой сын!..

Если в город Банья Лука
ты приедешь как-нибудь,
остановишься у бука
сапоги переобуть.

Ты пройди сперва базаром,
выпей доброго вина,
а потом в домишке старом
мать увидишь у окна.

Ты взгляни ей в очи прямо,
так, как ворон мне глядит.
Пусть не знает моя мама,
что я пулею убит.

Ты скажи, что бабу-ведьму
мне случилось полюбить.

Ты скажи, что баба-ведьма
мать заставила забыть.

Мать уронит свой кувшин,
мать уронит свой кувшин.
И промолвит: — Ах, мой сын! —
И промолвит: — Ах, мой сын!..

3. Песня о построении Колодца

Надо выкопать колодец,
надо выкопать его.
Пусть живет в колодце жаба —
неземное существо.

Будет, будет эта жаба
петь в колодце по ночам.
Будет месяц литься слабо
к золотым ее очам.

И увидит эта жаба
наверху одну звезду.
И уронит эта жаба
серебристую слезу.

И придет к колодцу странник,
и опустит он бадью.
И со дна слезу достанет
серебристую твою.

И отыщет странник место
на горе в густом лесу.
И построит целый город
на одну твою слезу.

В этом городе во храме
засияет семь лампад.
Грянет колокол утрами
и в дробинку и в раскат.

Семь невест придут к колодцу.
Бросят в воду семь колец,
чтобы семь веков не падал
семивратный Кладенец.

4. Песня о походе

А. Я.

Как в поход собирался Вук,
говорил ему старый друг,
старый друг воевода Милош:
— Чем могу помочь тебе, Вук,
если руки не держат лук
и копье мое преломилось?

Я гляжу как сквозь тусклый лед
и не бью уже птицу влет,
не валю на скаку зверя.
Зажирел мой конь от овса.

И ни в сына, и ни в отца,
и ни в чох, ни в сон я не верю.

И отвечивал Вук: — Ну что ж!
Если ты для битвы негож
и не веришь в святого духа,
я и сам воевать могу.
— Чем же я тебе помогу? —
Снова Милош спросил у Вука.

— А помочь мне? Можешь помочь.
У меня остается дочь
и младенец о третьем годе.
Если долго я не приду,
посылай моим чадам еду,—
отвечает Вук воеводе.

— Да и матушку не забудь.
Навести ее как-нибудь,
соблезнуй ее заботе.
А когда истекут ее дни,
по обряду похорони,—
отвечает Вук воеводе.

— И еще мне в чем помоги:
если злую молву враги
обо мне распустят в народе,
ты не верь той молве ни в чем,

как не веришь ни в чох, ни в сон,—
отвечает Вук воеводе.

И садится Вук на коня
и в поход отъезжает шагом.

5. Песнь о друзьях Милоша

Когда старый Милош слеп,
Кто ему вино и хлеб
Приносил
По мере сил?

Не соседние князья,
А старинные друзья —
Те, кого и не просил.

— Моря не видать с горы.
Утром не видать зари,
В полдень солнца нет!
— Нам не скоро уплывать.
Можно ночью пировать! —
Те ему в ответ.

— Иль тебе не сладок мед,
Иль не слышишь, как поет
Дева у ручья?
Иль не дышит ветром сад
И с тобою не сидят
Верные друзья?

Мы нальем тебе вина.
И давай-ка, старина,
Вспомним о былом!
Отдых дай своим мечам,
Отдых дай своим очам!..

Пировали по ночам.
Пели за столом.

ЦЫГАНОВЫ

Конь взвился на дыбы,
но Цыганов
Его сдержал, повиснув на узде.
Огромный конь, коричневато-красный,
Смирясь, ярился под рукою властной.
Мохнатоногий, густогривый конь
Сердился и готов был взвиться снова.
Хозяин хохотал. А Цыганова,
Хозяйка, полногруда и крепка,
Смеялась белозубо с расписного
Крыльца, держа ягненка-сосунка.
А Цыганов уже надел хомут
И жеребца поставил меж оглобель.
И сам он был курчав, силен, огромен.
Все было мощно и огромно тут:
И солнце, и телега, и петух,
И посреди двора дубовый комель.
И Цыганов поехал со двора.
А Цыганова собрала дрова
И в дом пошла.
И сразу опустело,
Когда исчезли три могучих тела —
Ее, и Цыганова, и коня.

Один петух, свой гребень накрень,
Глядел вослед коню и Цыганову.
Потом хозяйка погнала корову.
И это было лишь начало дня.

ГОСТЬ У ЦЫГАНОВЫХ

— Встречай, хозяйка! — крикнул Цыганов.
Поздравствовались. Сели.

Стол тесовый,

Покрытый белой скатертью, готов
Был распластаться перед Цыгановой.
В мгновенье ока юный огурец
Из миски глянул, словно лягушонок.
И помидор, покинувший бочонок,
Немедля выпить требовал, подлец.
И яблоко моченое лоснилось
И тоже стать закускою просилось.
Тугим пером вострился лук зеленый.
А рядом царь закуски — груздь соленый
С тарелки беззаветно вопиял
И требовал, чтоб не было отсрочки.
Графин был старомодного литья
И был наполнен желтизной питья,
Настоянного на нежнейшей почке
Смородинной, а также на листочке
И на душистой травке. Он сиял.
При сем ждала прохладная капуста,
И в ней располагался безыскусно
Морковки сладкой розовый торец.

На круглом блюде весело лежали
Ржаного хлеба теплые пласты.
И полотенец свежие холсты
Узором взор и сердце улаживали.
— Хозяйка, выпей! — крикнул Цыганов. .
Он туговат был на ухо.

Хмельного
Он налил три стакана. Цыганова
В персты сосуд граненый приняла
И выпила. Тут посреди стола
Вознесся борщ. И был разлит по мискам.
Поверхность благородного борща
Переливалась тяжко, как парча,
Мешая красный отблеск с золотистым.
Картошка плавилась в сковороде.
Вновь желтым самоцветом три стакана
Наполнились. Шипучий квас из жбана
Излился с потным пенистым дымком.
Яичница, как восьмиглазый филин,
Серчала в сале. Стол был изобилен.
А тут — блины! С гречишным же блином
Шутить не стоит! Выпить под него —
Святое дело. Так и порешили.
И повторили вскоре. Не спешили,
Однако время шло.

Чтоб подымить,
Окно открыли. Двое пацанов
Соседских с воем бились на кулачки.
По яблоку им кинул Цыганов,
Прицыкнув: — Натe вот и не варначьте! —
Тут наконец хозяйка рядом с мужем

Присела. Байки слушала она
Мужские — кто где ранен, где контужен.
Но снова два соседских пацана
Затеяли возню...

Уже смеркалось.

Тележным осям осень откликалась.
Но в каждом звуке зрела тишина.
Гость чокнулся с хозяйкой: — Будь здорова!
— Будь! — молвил Цыганов.

А Цыганова

Печально отвернулась от окна.

КОЛКА ДРОВ

С женой дрова пилили. А колоть
Он сам любил. Ведь тут нужна не сила,
А вольный взмах. Чтобы заголосила
Березы многозвончатая плоть.
Воскресный день. Сентябрьский холодок...
Достал колун. Пиджак с себя совлек.
Приладился. Попробовал. За хатой
Тугое эхо ёкнуло: ок-ок!
И начал. Вздох, и взмах, и зык, и звон.
Мужского пота запах грубоватый.
Сухих поленьев сельский ксилофон.
Поленец для растопки детский всхлип.
И полного полена вскрик разбойный.
И этим звукам был равновелик
Двукратный отзвук за речною поймой.
А Цыганов, который туговат
Был на ухо, любил, чтоб звук был полон.
Он так был рад, как будто произвел он
И молнию и громовой раскат.
Он знал, что в колке дров нужна не сила,
А вздох и взмах, чтобы тебя вносило
К деревьям — густолистным облакам,
К их переменчивым и вздутым кронам,

К деревьям — облакам темно-зеленым,
К их шумным и могучим сквознякам.
Он также знал: во время колки дров
Под вдох и взмах как будто думать легче.
Был истым тугодумом Цыганов,
И мысль не споро прилегалась к речи.
Какой-нибудь бродячий анекдот
Ворочался на дне его рассудка.
Простейшего сюжета поворот
Мешал ему понять, что это шутка.
«У Карапéта теща померла»...
(Как вроде у меня. А ведь была
Хорошая старуха.) «Он с поминок
Идет...»

(У бабы-то была печаль.

Иду, а вечер желтый, словно чай.
А в небе — галки стаями чайноч.)
«И вдруг ему на голову — кирпич.
Он говорит: она уже на небе!»
(Однако это вроде наш Кузмич.
Да только на него свалились слезы,
Когда у тещи в пасху был хмелен...)
Тут Цыганов захохотал. И клен,
Который возрастал вблизи сарая,
Шарахнулся. И листьев легион
Взлетел. И встрепенулась птичья стая.
И были смех, и вдох, и зык, и звон.
— Что увидал? — сходя с крыльца резного,
Хозяйина спросила Цыганова.
— Да анекдот услышал однава.
Давай, хозяйка, складывать дрова.

ПОЭТ И СТАРОЖИЛ

...не для битв...

...для молитв...

*(Рифмы из стихотворения
Пушкина)*

Поэт

Скажите, гражданин, как здесь пройти
До бани?

Старожил

Баня нынче выходная.
Зато на Глеб Успенского — пивная.
Там тоже можно время провести.

Поэт

Ну что ж!

Старожил

Как раз и я иду туда.
Приезжий?

Поэт

Да.

Старожил
У нас не скучно!

Поэт

Да.

Старожил

По делу?

Поэт

Нет.

Старожил

К родне?.. И я вот к брату
На отпуск собираюсь восемь лет.
То захвораю... Или денег нет.
А прошлым годом прогулял зарплату...
Ты не Петрова брат?

Поэт

Да нет.

Старожил

Постой!

Давай-ка два рубля. Во-он мага́зин...
А там, в пивной, ее пивком подкрасим...
Я мигом. Вижу — парень ты простой.
Весь в брата.

Поэт

Нет у брата у меня.

Старожил

Ну весь в сестру. Ведь и сестра — родня.
Порядок. На-ка сдачу... Эко горе!
Пивная — елке в корень! — на запоре!..
В столовой пить придется под компот.
Там пива нет!.. А где сестра живет?
Она бы нам поставила закуски.
И вместе погуляли бы по-русски.

Поэт

Да у меня родни и вовсе нет.

Старожил

Так бы сказал... А сам ты кто?

Поэт

Поэт.

Старожил

Вот то-то вижу, будто не из наших!
Выходит — пишешь?.. Я люблю читать.
Да время нет... Могу и тему дать!
А ты ее возьмишь на карандашик...

Есенин был поэт! Моя старушка,
Мол, в старомодном ветхом шушуне...
Как сказано!.. А Пушкин? «Где же кружка!..»
Бери себе стакан!

Поэт

Пожалуй, мне

Пора...

Старожил

И впрямь! Чего сидеть без толку...
Ну, со свиданьем!.. А ты чего ж?
Тяни... Задумался!.. Уже хорош?
А-а! Выпятил полтинники на Лорку!

Поэт (очнувшись)

Что? Федерико?..

Старожил

Ей цена-то грош!
Конечно, все при ней: станочек, грудь...
Эй, Лорочка, товарищу поэту
И мне подай два раза винегрету!..
А ты бы рассказал про что-нибудь.

Поэт

А было так. Он на снегу сидел.
А замполита увели куда-то.

Вблизи него немецкие солдаты
Переговаривались. День скудел.
Слегка смеркалось. Из-за перелесиц
Вступали тучи реденьким гуртом.
И, как рожок, бесплотный полумесяц
Легко висел на воздухе пустом.
Нога не мучила. А только мерзла.
Он даже улыбался. Страх прошел.
Бой утихал вдали. За лесом грозно,
Как моисеев куст, пылал костел.
Пришел какой-то чин. Но небольшой.
Он так же был небрит, как эти трое.
За лесом выцветали шумы боя.
Хотелось пить. Нога была чужой.
Солдаты сели есть. Один из них
Достал сухарь. И дал ему. Однако
Есть не хотелось. Думал о своих:
Какая неудачная атака!
Он думал о себе, как о ноге:
Душа была чужой, но не болела.
Он сам не мерз. В нем что-то леденело.
Еще вверху плыл месяц налегке,
Но словно наливался. От еды
Они согрелись. Те, что помоложе,
Подначивали третьего. Похоже,
От них не надо было ждать беды.
Тот, третий, подошел. Он был и мал,
И худ, и стар. И что-то он сказал.
Что — непонятно. Пленный без испуга
Соображал. И понял. Было туго
Вставать. И все ж он встал, держа сухарь.
Уже был месяц розов, как янтарь.

Те тоже подошли. И для чего-то
Обшарили его. Достали фото
Жены и сына. Фото было жаль.
Он поднял руки, но держал сухарь.
Разглядывали фото. И вернули.
И он подумал: это хорошо!
Потом его легонько подтолкнули.
Он сразу понял. И с трудом пошел.
Он мог идти. Он отправлялся в путь.
И это вдруг его приободрило.
«Видать, не очень сильно зацепило...
Дойти бы только... там уж как-нибудь...»
Додумать не успел. Невдалеке
Рвануло эхо. Звук был слишком резок.
Он закричал. И, словно был подрезан,
Свалился навзничь с сухарем в руке.
Упал. И дернулся последний раз.
И остывал, не закрывая глаз.
Три немца прочь ушли. Еще дымился
Костел. И месяц наверху налился
И косо плыл по дыму, как ладья.

Старожил

Ты это видел?

Поэт

Это был не я.

ПОСЛЕДНИЕ КАНИКУЛЫ

ИЗ ПОЭМЫ

В поэме автор путешествует вместе с гениальным польским скульптором Витом Ствошем, пренебрегая последовательностью времен. Наш третий спутник — кот Четверг (фигура вымышленная).

Ствош жил пять веков тому назад. Закончив великое свое творение — резной алтарь Краковского собора, — он ушел в Нюрнберг и запропал на пути. После оккупации Польши гитлеровскими войсками фюрер приказал перевезти знаменитый алтарь в Нюрнберг. Алтарь прибыл туда, куда не дошел его создатель. И был возвращен в Краков лишь после войны.

Четырехстопный ямб
Мне надоел. Друзьям
Я подарю трехстопный,
Он много расторопней...

В нем стопы словно стопки —
И не идут колбм.
И рифмы словно пробки
В графине удалом.

Настоянный на корках
Лимонных и иных,

Он цвет моих восторгов
Впитал, трехстопный стих.

И все стихотворенье
Цветет средь бела дня
Бесплотною сиренью
Спиртового огня...

Смерть лося

Стихи за пятьдесят!
На мне они висят
Невыносимой ношей.
Бог с ними! Мне пора
Сбираться. И с утра
В дорогу с Витом Ствошем.

Закончен мой алтарь.
В нем золото и янтарь,
И ангелы и черти,
И даже образ смерти.

Пора не вниз, а вверх —
Туда, поближе к богу,—
В беспечную дорогу,
В преславный Нюрнберг...

Как хорошо в полях
Встречать свой день рожденья!
Как весело хожденье
В сообществе бродяг!

А если есть трояк,
Определим по нюху
Ближайшую пивнуху,
Пристанище гуляк.

Хозяйка, наливай!
И не жалея, читатель,
Что, словно невзначай,
Я свой талант растратил!

Читатель мой — сурок.
Он писем мне не пишет!..
Но, впрочем, пару строк,
В которых правду слышит,
Он знает назубок...

Однако думы прочь!
В походе к Нюрнбергу
Звезд полную тарелку
Мне насыпает ночь.

Передо мной лежат
Прекрасные поляны,
Жемчужные туманы
Их мирно сторожат.

Передо мной текут
Прохладные потоки.
И где-то кони ржут,
Нежны и одиноки.

Вечерний свет померк.
Залаяла собака...
Как далеко, однако,
Преславный Нюрнберг!

* * *

Ночь пала. Все слилось.
В костре пылали ветви.
И в красноватом свете
Явился черный лось.

Роскошный рог над ним
Стоял, как мощный дым.

И в бархатных губах
Держал он ветвь осины.
И, беззащитно-сильный,
Внушал невольный страх.

Он был как древний бог.
И в небе черно-чистом
Созвездием ветвистым
Светился лосий рог.

(Недаром древле Лось
Созвездие звалось.)

Распахнутый для нас
От паха и до холки,
Смотрел он взглядом долгим
Своих тенистых глаз.

— Зачем,— Вит Ствош вскричал
В мучительном порыве,—
Я за плечом Марии
Его не изваял!
И почему царей,
Младенца Иисуса
По манию искусства
Не превратил в зверей!

Но я ответил:

— Брось!

Мы зря переживаем.
Пусть лучше неизваян
Гуляет этот лось.
Пусть вечности бежит
Прекрасное созданье
И нашему страданью
Пусть не принадлежит!
Смири себя, ваятель!
Забудь, что было встарь,
Когда ты свой алтарь
Выдалбливал, как дятел!
Смири себя, смири!
Сомкни плотнее веки!
И отрекись навеки!
И больше не твори!

И долго Вит сидел,
Помешивая угли.
Потом они потухли,
А он в золу глядел.

Вся эта ночь насквозь
Была прозрачной, ясной.
И, как корабль прекрасный,
Плыл по поляне лось.

Вдруг изо тьмы — удар
Остановил мгновенье...
Пороховой угар.
И в нем поникновенье
Творенья красоты
И беззащитной мощи...
И в озаренной роще —
Хрустнувшие кусты.

Как девушка, вразброс,
Лежал тишайший лось.
И на его главе —
Глаз, смертью отягченный,
И — папоротник черный —
Рога в ночной траве...

Охотник подошел:
— Пудов пятнадцать мяса!
Вот бык! — Он рассмеялся.—
Однако, хорошо!

Он сел и закурил...
• • • • •
Для нас погибель зверя —
Начальная потеря,
Начало всех мерил.

— Скажи мне, мастер Вит!
Как при таком мериле
Плечо святой Марии
Кого-то заслонит!

Нам с Витом не спалось.
И мы лесною тропкой
Пошли. И тенью робкой
Плыл перед нами лось.

Лось-куст и лось-туман,
Лось-дерево, лось-темень,
Лось-зверь, и лось-растенье,
И лось-самообман...

Так шли мы — я и мастер,—
Пока не рассвело.
И дивное несчастье
Нас медленно вело...

Вверху подобьем знака
Ветвился лосий рог...
Как далеко, однако,
Преславный городок!..

Балаган

— Да, он один убит,—
Сказал мне мастер Вит,—
А вы еще живете
По собственной охоте.

Здесь только скукота
И люди с рыбьей кровью.
Пойдем в средневековье,
Возьмем с собой котат

— Ах, разве можно вспять
Куда-то возвратиться?
Давай-ка лучше спать
И видеть то, что снится.
Давай-ка бредить вслух!..

— Ну что ж, вернемся, друг,
Туда, где и поныне
Царит вселенский дух
Трактира и латыни,
Где, шляясь по торгам,
Увидим мы, коллега,
Под небом — балаган,
Над балаганом — небо...
— Пьянчуги, торгоши! —
Я подхватил в восторге.
А ну, вольней дыши
На этом шумном торге,
Где толпы горожан
И теснота ковчега.
Под небом — балаган,
Над балаганом — небо.

Вит Ствош был весел вновь
И вновь в своей тарелке.
— Как горячат нам кровь
Лукавые паненки!

— Как раздражает нюх
Благоуханье пира!
— Виват! Вселенский дух
Латыни и трактира!..

— Гляди, а там правез:
Попал в беду пройдоха!.. —
Я говорю: — Ну что ж,
Эпоха как эпоха.

— А вон карманный вор!
— А вон доминиканец!
— Вон сбир!
— Вот страж!
— Вон спор
Оборвышей и пьяниц!

А ближе к облакам
Раскинут балаган.

— Про это — я! Постой! —
Воскликнул Вит.— Простой
Сюжет. Весьма наивный.
Сей шут богопротивный —
Диáвол. Мрака сын
Решил смутить Юстина.
А этот вот детина
Есть человек Юстин.
Отродье сатаны,
Чтоб парня не прохлопать,
В нем разжигает похоть,
Сулит ему чины.

Юстин же стал мечтать
Про все земные блага.
И вот посмел, бедняга,
На бога возроптать...
Ликует гений зла!..
Но, сжалясь, мать божья
Опутанного ложью
Юстина упасла...
— Дай я!.. Пустив слезу,
Спасенный на колени
Упал. Его моленья
Сейчас произнесу:
«Спасибо вам, господь
И пресвятая дева,
За то, что свою плоть
Я вызволил из хлева!
За то, что вы спасли
Меня от вождельня. .
С поклоном до земли
За то мое моленье!
За то, что дух тщеславный
Не указал мне путь
И в городок преславный
Приду когда-нибудь!..»

— Нет, мне невмоготу,—
Прервал Вит Ствош.— Надейся,
Что ты спасен. Но в действо
Пора войти коту.—
И закричал: — Ату!

— Ату! Держи! Ага!
— В чем дело?
— Ты не зрячий?
Какой-то пес бродячий
Заметил Четверга! —
Сцепились пес и кот.
И вдруг, заулюлюкав,
Рванулся весь народ,
Как тыща мамелюков,
Вслед за котом и псом —
Весь наш цветущий сон:
Мальчишки, бернардины,
Красотки, паладины,
Монахи, игроки,
Торговцы, голяки,
Лиценциаты, шлюхи,
Младенцы и старухи...
Пустились в этот гон...
И скрылись в гул времен...

Мы с Витом хохоча
Переживали праздник.
А кот, лихой проказник,
Мурлыкал у плеча.

И Вит воскликнул: — Днесь
Я возглашаю здесь,
Что радость мне желанна
И что искусство — смесь
Небес и балагана!

Высокая потреба
И скомороший гам!..
Под небом — балаган.
Над балаганом — небо!

Встреча

Шагая вдоль страны,
Зашли мы в дивный угол,
Где зверь еще не пуган
И реки не мутны.

Вблизи текла река.
Угадывалось это
По перебежке света
И шуму лозняка.

Простор летел под яр,
Огромный, как цунàми,
И прямо перед нами
Преображался в пар.
И повисал, светясь,
Над луговым заречьем,
И расширялся в нас
Дыханьем человечьим.

В реке — прицельность Цейса
И ясность лучших линз,
Но, как в глазах младенца,
Всё — головою вниз:

И облака, и горы,
И темные леса,
И старичок, который
У брода пас гуся,
И дерево хромое,
Сбежавшее под склон,
И лодочка, и трое
Искателей икон.

Прекрасная порода!
О, как я был влюблен
Тому назад три года
В искателей икон.

В искательниц особо!
Одна из их числа
Прелестная особа
С ума меня свела!

Штаны, ковбойка, кеды
И свитер шерстяной
Невольные победы
Свершали надо мной.

Доныне эту вязку
Я помню под рукой
И грустную развязку
С искательницей той...
Подходим.

— Старина!
Так это же она!..

Неловкость. Я, как школьник,
Краснею. О, мила,
Как прежде. В треугольник
Вонзились два угла.
— Знакомьтесь. Это муж.
А это мой поклонник.—
И вот пятиугольник,
Томительная чушь!

Но задал верный тон
Четверг. Пока я мялся,
Он мирно слопал мясо
Искателей икон...

Старик, что пас гуся,
Приблизился, неся
Под мышкой эту птицу,

Чтобы опохмелиться,
Он полагал продать
Гуся рублей за пять.

— Ну! Выпей-ка, старик! —
Сказал ее поклонник —
Он был унылый комик,
И у него был тик.

Затеяли шашлык.

Муж скрупулезно знал,
Как есть должны авгуры,
И тихо напевал,
Ворочая шампуры:

«Шашлык мой, шашлычонок,
Шашлык мой, шашлычон,
Ты создан для ученых —
Искателей икон.
Вся истина и правда
Прекрасней с шашлыком.
И только в нем отрада
Искателей икон!»

А мы поднялись с ней
Вверх по крутому берегу.
— Куда вы? — К Нюрнбергу
Идем. Оно честней...
— Гляди, как с высоты
Просторна эта местность...
— Обыкновенно... — Честность...
— Ты виноват... — Нет, ты.

Шел нудный разговор
В полутонах... Но ах!
Бесчисленное стадо
Гусей спускалось вниз
Подобьем снегопада
И гогоча толклись.
Они спускались вниз,
Мгновенно спутав карты.
И крылья, как штандарты
Разбойные, тряслись.

Под гогот, шум и крик,
Как конница степная,
Спускались, наступая
На суп и на шашлык.
А этот старый черт,
Не струсивший нимало,
Гоня их от мангала,
Плясал, как Пугачев.

. . . . .

Расстались вечерком.
Искатели икон
Уплыли вниз на лодке
С едой и коньяком.
А мы пошли пешком.
Вдвоем остаток водки
Допили в полутьме,
Опустошив манерку
У знака: «К Нюренбергу.
Две тысячи км».

Два монолога

Итак, мы шли втроем.
Четверг был наша ноша —
То на плече у Ствоша,
То на плече моем.

Густой сосновый лес
Вздыхался до небес.
Он был пустым, печальным
Во взлете вертикальном.

Лишь наискось секло
Его свечение пыли,
Как будто сквозь стекло
В подвале.

Мы испили
Воды, найдя ручей.
И шли еще бойчей...

Лес кончился. Дорога
Текла за край земли.
И мы произнесли
Тогда два монолога.
Лицо воздев горе
В неизреченной страсти,
Вит Ствош, алтарный мастер,
Запел об алтаре.

Моление об алтаре

— Алтарь! Каков он был!
Звук дерева цветущий,
Цвет дерева поющий,
Исполненного сил!
Я в каждом существе
Изобразил цветенье
И смесь объема с тенью
В естественном родстве.
Я знал, как должен свет
С высот соборных литься,
И как он должен длиться,
И как сходить на нет!
Пространство! Бытие!
Ты знаешь, как пристрастно

Я размещал пространство
И превращал в свое
Пространство бытия
В его древесном смысле.
И воспаряла к мысли
Вещественность моя.
Тогда я наконец
Увидел образ бога!
Но знаю, как убого
Витийствует резец!
Казалось мне, что дух
Моей руки коснулся.
Я грезил. Я очнулся...
Небесный свет потух...
О боже, дай узреть
Мне снова свет небесный
И в наготе телесной
Его запечатлеть! —
Так говорил он. Бор
Пел, как соборный хор.
И солнце пролилось
И растворилось в сини.
Тогда я произнес
Моление о сыне,
Не отирая слез.

Моление о сыне

— Ну что ж, — я говорю, —
Уже пора уйти нам.
Смерть возблагодарю,
Но жаль расстаться с сыном.

Еще он мал и слаб —
Ни государь, ни раб.
И он не то чтоб — дух,
Он плоть моя живая,
Он — бесконечный круг,
И он живет, сливая
Меня с небытием,
С тем самым, с изначальным.
И трудно быть печальным,
Когда мы с ним вдвоем.

Судьбу благодарю,
Благодарю за сына.
Ну что ж, — я говорю, —
Ведь радость беспричинна. —
Я говорю: — Ну что ж!
Благодаренье богу
За боль и за тревогу,
Которых не уймешь.
О, высший произвол!
Ты — ипостась добра
За то, что произвел
Мне малого Петра.
За то благодарю,
Что он раним, печален,
За то, что изначален.
Ни богу, ни царю
Еще не посвящен.
И, может, разум темный
Потом его спасет.
Он будет сын высот.

Молю, продли мне дни!
Продли мне с ним слиянье,
Чтоб это расстоянье
Прошли бы мы одни.
Одни — то есть вдвоем:
Нам никого не надо...
Явленье вертограда,
Священный водоем!

Судьба, мне дни продли,
Чтоб шли мы вдоль земли.
Чтоб шли мы постоянно,
Безвинно и слиянно.
Судьба! Продли мне дни!
Не мучай болью, голодом
И нас соедини,
Чтоб шли мы с сыном рядом.—
Примерно так моя
Звучала песнь о сыне.
И пели Вит и я,
Как дервиши в пустыне.
О тех, кого с собой
В дорогу взять не можем,
Мы пели вразнобой,
Подобно птицам божьим.
Мы плакали и пели,
Друг друга не стыдясь.
Из голубой купели
Лучи лились на нас.

СОДЕРЖАНИЕ

«То осень птицы легче...»	3
«В воздухе есть напряженье...»	4
«Возвращенье от Анны...» *	5
«Тот дивный, давний спор...»	7
Пятеро	8
При дожде	9
«И осень, которая вдруг началась...»	10
«С постепенной утратой зренья...»	11
«Мне снился сон. И в этом трудном сне...» *	12
«Хочу, чтобы мои сыны...»	13
«Лишь изредка родится в нас...»	15
Заздравная песня *	16
Купальщица	17
Рассвет	18
«Там дуб в богатырские трубы...»	19
«Вот в багровой листве и лазури...»	20
«Не мысль, не слово,— а под снегом...»	21
«Когда с досадой и печалью...»	22
Зимние птицы	23

«Что-то вылепится...»	24
«Полночь под Иван Купала...»	25
«Я ехал по холмам Богемии...»	27
«Березы, осины да елки...»	28
«Ты, Боян, золотой соловей...»	29
Березняк	30
Стихи и проза	31
Легкая сатира *	33
«Тоски ледяной гребешок...»	34
Старый сад *	35
«Кончался август...» *	36
«...И тогда узнаешь вдруг...»	38
Подражание Феокриту	39
Михайловское*	40
Свободный стих	41
«Туман, туман, туман...»	44
Анна Ярославна	45
Солдат и Марта	47
Скоморошина	50
«В августе, когда заголубели...»	52
«Распутица. Разъезжено. Размято...»	53
«Одиночество — пошлая тема...»	54
«Неужели всю жизнь надо маяться!..»	55
«Старушечье существование...»	56
Из стихов о Польше	
1939-й	57
1944-й	58

Балканские песни

1. Песня о кузнеце	60
2. Прощание юнака	61
3. Песня о построении Кладенца	63
4. Песня о походе	64
5. Песнь о друзьях Милоша	66
Цыгановы *	68
Гость у Цыгановых *	70
Колка дров	73
Поэт и старожил	75
Последние каникулы (<i>Из поэмы</i>)	81

Самойлов Давид Самойлович

ВОЛНА И КАМЕНЬ

М., «Советский писатель», 1974, 104 стр.
План выпуска 1974 г. № 156

Художник *К. М. Высоцкая*
Редактор *В. С. Фогельсон*
Худож. редактор *В. В. Медведев*
Техн. редактор *Т. С. Казовская*
Корректор *И. Ф. Сологуб*

Сдано в набор 2/1 1974 г. Подписано к печати 12/IV 1974 г. А 02257. Бумага 70×108¹/₃₂ № 1. Печ. л. 3¹/₄ (4,55). Уч.-изд. л. 2,71. Тираж 20 000 экз. Заказ № 8. Цена 28 коп. Издательство «Советский писатель», Москва К-9, Б. Гнездниковский пер., 10. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина,

